

*Сафонов А.А.,
д.ю.н., профессор кафедры
теории права и сравнительного правоведения
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Основная цель настоящей статьи состоит в рассмотрении отдельных аспектов реального участия имперской власти в регулировании различных сторон жизни Православной церкви в России, в том числе внутрицерковной, на основе анализа законодательства и установленной системы управления в синодальный период.

Взаимоотношения государства и конфессий в Российской империи традиционно базировались на концепции «православного конфессионализма», которая предполагала союз государства с Русской православной церковью (РПЦ). Как известно, РПЦ занимала привилегированное положение в вероисповедной системе Российской империи. Так, в «Основных законах Российской империи» Свода законов она провозглашалась «первенствующей» и «господствующей». «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания», – гласила ст. 40 Основных законов¹.

Ст.ст. 40-46 Свода законов 1832 г., являвшиеся Основными законами о вере, были включены в утвержденные 23 апреля 1906 г. «Основные государственные законы» в качестве ст.ст. 62-65 без изменений, что свидетельствовало об устойчивости модели взаимоотношений Российского государства и РПЦ на протяжении значительной части синодального периода.

Первенствующее положение РПЦ выражалось, прежде всего, в том, что к ней непременно должен был принадлежать российский монарх. На это указывала ст. 41 Основных законов: «Император, престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной». Законодательство возлагало на императора обязанность заботиться о сохранении незыблемости православного учения и его господства среди существовавших в России исповеданий: «Император, яко

¹ Свод законов Российской империи (СЗ РИ). СПб., 1892. Т. I. Ч. I.

христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император в акте о наследии престола именуется Главою Церкви» (ст.42 Основных законов).¹ Помимо охраны правоверия и чистоты церкви император осуществлял назначения на высшие церковные должности (митрополита, епископа) и обладал правом надзора над деятельностью высших церковных учреждений.

Преимущества РПЦ, в сравнении с другими исповеданиями, состояли и в том, что только православное духовенство привлекалось к официальному участию в важнейших событиях государственной и общественной жизни Российской империи: коронованиях государей, бракосочетаниях членов императорской фамилии, благодарственных молебнах и др. Исчисление дней и месяцев, праздников, присутственных и неперисутственных дней в государственных и общественных учреждениях определялось церковным юлианским календарем. Официально праздновались только праздники Православной церкви. В дни церковных праздников не работали государственные учреждения и учебные заведения, не выносились судебные приговоры.²

Другое важное преимущество РПЦ заключалось в возможности неограниченной публичности осуществления религии, религиозных церемоний и процессий. Законодательство устанавливало, что православное духовенство не может принуждать членов других исповеданий к участию в православных молитвах и богослужебных действиях. Однако для добровольно желающих инославных христиан православное духовенство могло совершать богослужение и требы. Между тем священнослужители инославных христианских исповеданий за совершение треб православным подлежали уголовной ответственности.³

Наиболее значимым показателем главенства РПЦ являлось предоставленное только ей право религиозной пропаганды (прозелитизма) – убеждения последователей других христианских исповеданий и иноверцев к принятию своего вероучения.⁴ Уставами духовных дел иностранных исповеданий определялось, что «если исповедующие иную веру пожелают присоединиться к вере православной, никто ни под каким видом не должен

¹ Цит. по: Конторович Я.А. Законы о вере и веротерпимости. С приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената. С.-Петербург, 1899. С.1.

² СЗ РИ. 1890. Т. XIV. III. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. ст. 25-27.

³ Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 2004. С.470.

⁴ СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. I. Ст. 4.

препятствовать им в исполнении сего желания»¹. За создание такого рода препятствий «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» предусматривалось тюремное заключение на срок от двух до четырех месяцев, а если препятствия сопровождались угрозами, притеснениями и насилием – то до двух лет² (по Уголовному уложению 1903 г. – до трех лет). Губернскому начальству предписывалось проповедующих православие защищать от обид иноверцев и оказывать им «всякое вспомоществование».³

Обязанности по привлечению к Православию новых членов в XIX в. официально возлагались на приходских священников. Государство содействовало этому процессу. К примеру, при Николае I, рассматривавшем миссионерство как важную государственную функцию, особо отличившихся на этом поприще лиц стали награждать орденами. Так, лица, обратившие к Православию более ста человек не христиан, либо раскольников «вредных» сект получали право на получение ордена Св. Анны 3-й степени, дававшего право на личное дворянство⁴.

Принципами осуществления миссионерской деятельности официально были признаны «увещевания», «кротость», «добрые примеры»⁵. Вместе с тем любое покушение на прерогативы РПЦ в этой сфере приводило в действие карательный механизм государства. Пропаганда среди православных со стороны представителей других конфессий рассматривалась как уголовное преступление и наказывалась арестом или заключением в крепости. Виновные в распространении среди православных «ересей и сект» лишались всех прав состояния и ссылались на поселение⁶.

Имперское законодательство о вероисповеданиях развивалось в направлении расширения веротерпимости, поскольку в XVIII в. отступление от Православия в нехристианское исповедание каралось смертью. В начале XX в. отступивший от Православия, согласно ст. 185 «Уложения о наказаниях», отсылался к духовному начальству для вразумления, а имущество его бралось под опеку. Приобретение им прав состояния было сопряжено с его возвращением в лоно православной веры. Добровольное отпадение от Православия не получало юридического признания, считалось временным заблуждением и преследовалось по закону. Ст.36 Устава о предупрежде-

¹ СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. I. Ст. 5.

² СЗ РИ. 1892. Т. XV. Ч. I. Ст. 191.

³ СЗ РИ. 1890. Т. XIV. III. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 72.

⁴ СЗ РИ. 1857. Т. I. Кн. VI. Ст. 581. П. 19.

⁵ СЗ РИ. 1890. Т. XIV. Примечания.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст.196 // СЗ РИ. 1892. Т. XV. Ч. I.

нии и пресечении преступлений гласила: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер, запрещается отступить от нее и принять иную веру». Для предупреждения «отступления» Устав обязывал православных священников давать сведения обо всех «бывших и не бывших у исповеди» (ст.21), и, в случае выявления неисповедовавшихся и непричащавшихся на протяжении двух-трех лет, информировать об этом архиерея для принятия мер по «вразумлению» потенциальных вероотступников. Если меры оказывались безуспешными, то вопрос передавался «на усмотрение гражданскому начальству» (ст.22).

Переход из лона Православной церкви в другое терпимое исповедание, как уже было отмечено, законом не допускался. В случае же незаконного, произвольного отпадения от Православия ее члена такое отпадение признавалось недействительным. Отпавший продолжал считаться принадлежащим к РПЦ. Законодательство предусматривало возможность исключения отпавшего из РПЦ только в одном случае – отпадения его в одну из нетерпимых сект – скопчество, духоборчество, молоканство. Отпавшие в нетерпимые секты лишались всех прав состояния и ссылались в отдаленные районы Сибири и Закавказья. После водворения их в местах ссылки они, согласно Уставу о ссыльных, получали право считаться теми, кем они являлись в действительности, т.е. лицами, не принадлежавшими к Православной церкви.¹

Более суровые наказания предусматривались законами Российской империи для «совратителей». Духовным и светским лицам иных христианских исповеданий, а также иноверцам Устав духовных дел иностранных исповеданий строжайше предписывал «не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии».²

Наказуемость совращения была различной, в зависимости от того, произошло ли совращение в инославное или в иноверное исповедание. «Отвлечение» от Православия в другое христианское исповедание каралось лишением всех особенных прав и преимуществ и отдачей в исправительные арестантские отделения на срок от 1 до 1,5 лет (ст.186 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.). В случае если подобное «отвлечение» было осуществлено с применением принуждения и насилия, виновный осуждался к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь, либо отдаче в исправительные арестантские отделения (ст.187 Уложения о

¹ Бердников И. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914. С.13.

² Устав духовных дел иностранных исповеданий. Ст.ст. 4-5.

наказаниях). В случае «отвлечения» в нехристианское исповедание к лишению «совратителя» прав состояния прибавлялась его отправка на каторжные работы (от 8 до 10 лет). Если «отвлечение» сопровождалось насилием и угрозами, срок наказания увеличивался до 12-15 лет.

Подлежащим каре признавалось не только само совращение, но и попустительство к совращению: лицо, не воспрепятствовавшее отступлению состоявшего под его наблюдением или попечением лица от Православия, приговаривалось к аресту на срок до трех месяцев и к церковному покаянию (ст.192 Уложения о наказаниях).

Не допускалось «совращение» из Православия путем заключения смешанных браков православных с инославными. У инославного супруга бралась подписка в том, что он не будет стеснять православного супруга в его вере и совращать в свою веру, а детей от брака будет воспитывать в православной вере. Смешанный брак православного человека с неправославным обретал законную силу только в том случае, если он совершался православным священником по обряду Православной церкви.¹

Наказания за вышеуказанные правонарушения предусматривались и в Уголовном уложении 1903 г., однако, с понижением наказуемости. Статьи о наказании за отступление от православной веры в другое вероисповедание и за перемену вероисповедания в целом в Уголовном уложении 1903 г. были опущены. Также в нем были значительно сокращены в объеме статьи о преступлениях против веры (в старом Уложении их было 65, в новом только 26). Особенность судопроизводства по преступлениям против веры и церкви состояла в обязательном устранении от участия в рассмотрении дел лиц неправославного исповедания, не только в составе коллегии присяжных заседателей, но и коронных судей и чинов прокурорского надзора.

Привилегированное положение Православия проявлялось также в законодательном решении вопроса о смешанных браках. Допуская браки между православными и инославными христианами, закон отстаивал интересы лиц православного исповедания. Обряд бракосочетания между ними мог совершать только православный священник и только в православной церкви. Дети, рожденные в смешанном браке, должны были воспитываться только по правилам православной веры. Родители, обязанные по закону воспитывать детей в православной вере, и начинавшие воспитывать их «по

¹ СЗ РИ. 1892. Т. X. Ч.1. Ст.67; Бердников И. Указ. соч. С.4.

обрядам других христианских исповеданий», подлежали наказанию – тюремному заключению до одного года и четырех месяцев.¹

Все другие права РПЦ, такие как официально признанное существование духовенства как особого привилегированного класса, признание за церковными обществами прав юридических лиц, признание законом обязательной силы монашеских обетов, право ведения актов гражданского состояния, дисциплинарная власть, юрисдикция по брачным делам – не являлись прерогативами только Православной церкви.²

Ответственность за охрану прав РПЦ и незыблемость самой православной веры возлагалась законодательством на светскую власть. Так, согласно Общему учреждению губерний, на губернаторов возлагалась обязанность «наблюдать тщательно, чтобы ереси, расколы и другие, предрасудками и невежеством порождаемые заблуждения не были распространяемы между жителями вверенной им губернии, и чтобы для отвращения сего зла и производимых оным соблазнов были употребляемы благовременно все предписанные общими установлениями и особыми Высочайшими повелениями меры» (ст.298). Надзирали губернаторы и за благочестием: «точным исполнением постановлений о должном уважении в народе воскресных дней и особенно торжествуемых Церковью праздников» (ст.300).³

Признавая РПЦ учителем истинной веры, государство в то же время обеспечивало принудительное исполнение всеми членами «первенствующей» конфессии правил жизни своего церковного общества, широко используя уголовное законодательство. Посредством уголовного суда и наказания государство ограждало РПЦ от всякого рода оскорблений, а ее дисциплину – от нарушений. Законодательно устанавливались правила благочиния, которые должны были соблюдать члены РПЦ во время богослужения в храме. Полиция обязывалась блюсти благочиние вне храма во время совершения богослужения в воскресные и праздничные дни. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. наказания полагались за богохуление и порицание веры, за соvrащение и отступление от веры, за распространение ересей и расколов, за уклонение от исполнения постановлений Церкви, за случаи оскорбления святыни и нарушения церковного благочиния, за святотатство и лжеприсягу (ст.ст. 176-240).

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст.190 // СЗ РИ. 1892. Т. XV. Ч. I.

² Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.I. СПб., 1914.

³ СЗ РИ. 1892. Т.II. Ч.I.

Широкие полномочия административно-полицейского усмотрения влекли за собой юридическую безответственность администрации и юридическую беспомощность отдельной личности. Постепенно законы в области веры стали заменяться широким применением административных распоряжений, которыми регулировалась вероисповедная сфера. Результатом такого административного «регулирования» стали серьезные противоречия в духовной сфере жизни общества. Свобода веры, понимаемая как свобода личного религиозного самоопределения, в России отсутствовала.

Известный юрист С.В. Познышев признавал, что в Российской империи, даже в начале XX в., существовал феодальный, как в средневековой Европе, тип уголовной охраны религии, с которым в развитых странах буржуазные революции к тому времени уже покончили. «В России, – писал он в 1906 г., – до сих пор нет религиозной свободы в истинном смысле слова... Законодательство наше до сих пор еще стоит на точке зрения полицейской опеки над религиозной жизнью народа»¹.

То обстоятельство, что российский император являлся главой церкви, позволяет утверждать о формировании Российской империи системы цезарепапизма – власти государства над церковью, как основы государственно-церковных отношений в империи. Цезарепапизм, установленный церковной реформой Петра I, сменил действовавшую до XVIII в. византийскую систему государственно-церковных отношений, базирующуюся на принципах церковной самостоятельности и церковно-государственного союза.

Дореволюционные государствоведы справедливо указывали на обширные правомочия верховной императорской власти в сфере церковного управления (внешнего управления Церковью) и, напротив, на отсутствие у нее возможностей влиять на содержание вероисповедания, на догматическую и обрядовую его стороны (на существо Церкви). Внутренние дела Церкви, а именно ее догматы, каноны, таинства, обряды, пастырское служение трактовались как божественное установление, определяемое церковной иерархией.²

Вместе с тем уже в 1880-1890-е гг. развернулась острая полемика по поводу роли государственной власти в церковном законодательстве между

¹ Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906. С.217.

² Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Ч.1. СПб., 1901. С.26; Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империи. Одесса, 1912. С.13; Львов В.Н. Правовое положение церкви православной в русском государстве. СПб., 1914. С.12, 14.

специалистами в области церковного права профессором Московского университета Н.С. Суворовым и профессором Казанской духовной академии И.С. Бердниковым. Если Суворов признавал право государственной власти издавать законы, определяющие церковный порядок, то Бердников отстаивал независимость Церкви в законодательной сфере: «Покровительствуя Церкви, государство не может вмешиваться во внутренние дела Церкви, не может себе присвоить права законодательства и распоряжения в этих делах... Государство имеет право законодательства относительно Церкви, только это законодательство касается внешних отношений Церкви к государству и обществу, именно, государственного положения Церкви, монастырей, гражданских прав и имущества клира»¹.

Однако суждения о разделе «сфер влияния» между верховной властью и иерархами РПЦ подчас не подтверждались действующей практикой государственно-церковных отношений, когда даже сугубо внутренние дела РПЦ нередко подлежали рассмотрению государственной власти. В Российской империи сфера вероисповеданий жестко регулировались светской властью, в зависимости от которой находилась и «господствующая» Православная церковь. Это отвечало политической культуре самодержавия, основанной на тесном взаимопроникновении церкви и государства.

В управлении делами РПЦ верховная власть действовала непосредственно через учрежденный ею Святейший Правительствующий Синод. Посредством Синода император принимал меры «к ограждению православия и к устройению церковного благочиния»². Высший орган управления РПЦ – Святейший Синод – не имел авторитета патриаршей власти. Он контролировался обер-прокуратурой. Обер-прокурор являлся светским государственным чиновником, назначался царем из военных или гражданских лиц и имел обширные неограниченные полномочия влиять на церковные структуры.

В научной литературе отмечается неопределенное положение Синода в системе государственных учреждений Российской империи.³ Правовед Н.И. Лазаревский не упоминал Синод среди высших органов управле-

¹ Бердников И.С. Церковное право Православной церкви по воззрениям канониста-западника (по поводу рецензии Н.С. Суворова) // Православный собеседник. 1889. Август; 1890. Февраль; Он же. Основные начала церковного права в Православной Церкви. Казань, 1902. С.30.

² Суворов Н.С. Указ. соч. С.209.

³ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи. СПб., 1909. С.342-350; Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. Одесса, 1913. С.168-169; Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856-1904 гг. СПб., 2003. С.204, 262.

ния¹. А.Д. Градовский относил его, наряду с Сенатом и министерствами, к «высшим местам подчиненного управления»². Органом одновременно верховного и подчиненного управления считал Синод В.В. Ивановский³.

По нашему мнению, плодотворную попытку разобраться в противоречивом правовом статусе духовного ведомства предприняла современная исследовательница Св. Синода С.И. Алексеева. Она отмечает близость Синода с центральными органами управления, благодаря наличию у него административной власти и собственной системы местных органов, а также выдающейся роли в нем обер-прокурора, за которым был закреплён министерский статус по отношению к высшим и центральным органам государственной власти (с начала XIX в. через обер-прокурора, получившего наравне с министрами право всеподданнейшего доклада царю, осуществлялись все сношения Синода с государственными учреждениями и с императором). Однако законосовещательной и судебной функциями, присущими высшим государственным учреждениям, Синод обладал лишь формально. «Высшим государственным органом, наделённым всей полнотой законосовещательной, административной и судебной власти по делам РПЦ, он был номинально, реально же его статус приближался к статусу министерства церковных дел», – резюмирует исследовательница⁴.

Взаимоотношения Синода с Государственным советом в вопросах законотворчества имели аналогию с механизмом принятия законов, сложившимся в условиях западноевропейских абсолютных монархий XVI - XVIII вв. Подавляющая часть законопроектов по духовному ведомству рассматривалась прямо в Синоде, минуя Государственный совет. Итоговой инстанцией перед их высочайшим утверждением был всеподданнейший доклад обер-прокурора Синода. Большинство указов и определений Синода требовали санкции императора, однако вмешательство его в оперативную деятельность духовного ведомства снижалось, особенно в период обер-прокурорства К.П. Победоносцева.⁵

Согласно утверждённому основателем синодальной системы Петром I в 1721 г. Духовному регламенту, в ведении Синода находился обширный перечень дел – канонического характера, наблюдение за чистотой веры,

¹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т.2. Ч.1.

² Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Собр. соч. СПб., 1907. Т.8. С.186-392.

³ Ивановский В.В. Русское государственное право. Казань, 1895. Т.1. С.273.

⁴ Алексеева С.И. Указ. соч. С.204, 262.

⁵ Pobedonostsev: The Theory and Politics of Counter Reform // Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 409-417.

борьба с расколом, духовные суд и цензура, некоторые вопросы семейного права и др. Юрисдикция Синода была определена лишь в самых общих чертах и в последующем видоизменялась.

К середине XIX в. ключевую роль в церковном управлении играл обер-прокурор Синода, получивший в этот период статус члена Комитета министров и фактический контроль над финансовой деятельностью духовного ведомства. В ведении обер-прокурора находились синодское дело-производство, контакты Синода со всеми епископами и духовенством, представление синодальных дел императору, а также объявление Синоду высочайших повелений.

Как отмечает С.И. Алексеева, обер-прокуроры, возглавлявшие Синод в пореформенный период, по-разному понимали природу самодержавия и православной церковности. Вместе с тем в основе всех обер-прокурорских программ, являвших собой образец мировоззрения высшей бюрократии, лежало представление о первенствующей роли государства в делах церкви. Все они были проникнуты стремлением сохранить неограниченное самодержавие, являли образец последовательного консерватизма¹. На практике деятельность каждого из них обернулась для синодального присутствия, по выражению епископа Евдокима (Мещерского), очередным «аракчеевским веком»².

Историк церкви С.Л. Фирсов указывает, что Святейший Синод, со дня своего образования являвшийся орудием политической власти, в XIX столетии окончательно превратился в исполнителя решений государства³. Об этом свидетельствует и высказывание современника митрополита Евлогия (Георгиевского), утверждавшего, что «приниженность Церкви, подчиненность ее государственной власти чувствовалась в Синоде очень сильно», а обер-прокурор «направлял деятельность Синода в соответствии с теми директивами, которые получал. Синод не имел лица, голоса подать не мог и подавать его отвык. Государственное начало заглушало все»⁴.

Складывалась парадоксальная для гармонических церковно-государственных отношений ситуация: мирянин-император являлся главой Церкви, первосвященником, верховным хранителем веры, а учрежденная им высшая церковная инстанция — правительствующим учреждением. Правящие власти воспринимали Церковь двояко: с одной стороны, как

¹ Алексеева С.И. Указ. соч. С. 43.

² Богословский вестник. 1905. № 5. С.220-221.

³ Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С.37.

⁴ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания. М., 1994. С.180-181.

идеал, институт, несущий высший закон – христианскую истину, а с другой стороны, как инструмент государственного управления, религиозную проекцию самого государства. Считая себя православным, государство не отделяло духовно-православные идеалы от политических (государственных). Эта формула с заключенным внутри себя противоречием и составляла суть представлений верховной власти о церковно-государственном союзе (или «симфонии властей», как иначе именовались эти отношения), также безмерно противоречивых¹.

В отличие от лютеранства, в котором принцип подчинения церкви государству был закреплён догматически, в России введенное Петром I синодальное управление не основывалось на учении и канонах Православия. Анализируя установленные российским законодательством prerogatives императора как обладателя высшей церковной власти, дореволюционные правоведы отмечали, что эти prerogatives не были каноническими, не являлись результатом «органического развития внутреннего церковного права», а были следствием привнесённого в церковь извне понимания задач государства и его правомочий по отношению к церкви. В том обстоятельстве, что император как высший орган РПЦ был установлен не внутренним правом церкви, а правом для неё внешним, государственным, им виделось одно из главных противоречий церковно-государственных отношений в Российской империи.²

Признавая тождественность государственной и церковной властей по их юридической природе и их различия по функциям (церковная власть связывалась с моральным авторитетом, а государственная – с принуждением), многие ученые и политические деятели призывали к изменению Основных законов в пользу утверждения в них независимости РПЦ³.

Цезарепапизм как основа государственно-церковных отношений не признавался законным и значительной частью церковной иерархии, ратовавшей за восстановление прежнего соборного начала в церковном управ-

¹ Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С.51-52.

² См., например: Темниковский Е. Положение Императора Всероссийского в Русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти. Ярославль, 1909. Л.А. Тихомиров в изданной им в 1903 г. книге указывал на неканоничность института обер-прокуратуры (Тихомиров Л.А. Запросы жизни и наше церковное управление. М., 1903. С.36). К тому же выводу пришел его однофамилец профессор П.В. Тихомиров в своем исследовании, опубликованном в 1904 г. (Тихомиров П.В. Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному правлению // Богословский вестник. 1904. Январь. С.75-107; Февраль. С.217-247.

³ См., например: Верховский П.В. О необходимости изменить русские Основные законы в пользу законодательной независимости Православной русской церкви // Церковная правда. 1913. №2. 14 января.

лении. Идея освобождения РПЦ от подчинения государству вынашивалась представителями так называемого «нового ученого монашества», возникшего в годы правления Александра III, была развита представителями «Союза ревнителей церковного обновления» – крупного внутрицерковного объединения священников начала XX в., выступавшего за обновление церковной жизни, реформирование высшего церковного управления и восстановление патриаршества.

Под влиянием революционных событий начала XX в. включенность Церкви в систему государственного управления все более воспринималась как тяжелая опека. Лозунгом дня стало требование «возвращения к каноническим нормам» в церковной жизни. Митрополит С.-Петербургский Антоний (Вадковский) призывал в феврале 1905 г. «предоставить Православной Церкви больше свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководиться главным образом церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов и, освобожденная от прямой государственной или политической миссии, могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства»¹.

Таким образом, российское законодательство обеспечивало первенство Православной церкви в вероисповедной системе Российской империи. Государственный статус РПЦ, закрепленный в Своде законов, выражался в принадлежности к ней императора, в признании государственными основных праздников Церкви, в обязательном участии ее духовенства в государственных и общественных торжествах. Такие привилегии РПЦ, как преимущественное право на публичное осуществление и пропаганду своей веры, недопущение перехода из нее в другие исповедания, православное воспитание детей в случаях разновременных браков с участием православного и др., гарантировались силой государственного принуждения, в том числе и уголовно-правового характера.

Между тем Русская православная церковь, наряду с другими признанными законом исповеданиями, занимала подчиненное в отношении светской власти положение. Введенное Петром I синодальное управление противоречило каноническому учению Православной церкви и вызывало справедливую критику, как со стороны представителей Церкви, так и со стороны ученых-правоведов, видевших в этом одно из главных противоречий государственно-церковных отношений в Российской империи, опреде-

¹ А.Р. Историческая переписка о судьбах Православной Церкви. М., 1912. С. 28.

лявших правовые и церковно-политические аспекты кризиса российской государственности.